

Национальный и региональный контекст

ОТ РЕДАКЦИИ

В книге двадцатилетней давности лет я показал, что социалистическое общество в той форме, в какой оно существовало в СССР, является эксплуататорским. Этот тезис я обосновал на основе анализа текстов Карла Маркса¹. Напомню, что Маркс определял эксплуатацию через понятие неоплачиваемого труда – прибавочной стоимости. Ее присваивает капиталист после возмещения убытков на воспроизводство постоянного капитала, сырье и заработную плату. Маркс высмеивал фантазии утопистов и Лассаля, согласно которым рабочий должен получать в форме заработной платы «неурезанный трудовой доход» — полный эквивалент созданных стоимостей. Это требование не может быть выполнено в любом обществе. Согласно Марксу, ликвидация эксплуатации должна состоять не в том, что рабочие будут получать эквивалент произведенных продуктов. Ликвидация эксплуатации состоит в том, что прибавочная стоимость, которой рабочие не получают в форме заработной платы, возвращается в общество в иной форме (расходы на новые инвестиции, резервные или страховые фонды, издержки на непроизводительный, но общественно необходимый труд, фонды для нетрудоспособных и т.д.). Однако все эти виды прибавочной стоимости имеются и в капиталистическом обществе, за исключением той ее части, которая предназначена для потребления буржуазии. Ее наличие придает понятию эксплуатации моральный смысл, который раскрывается в контрасте между роскошью буржуазии и нищетой наемных рабочих.

Маркс не утверждал, что раздел предметов потребления буржуазии между неимущими имеет существенное значение для решения социальных проблем. Такая точка зрения типична для идеологов народных движений. Безусловно, роскошь буржуазии на фоне нищеты рабочего класса аморальна. Но она не имеет существенного экономического значения, а ее перераспределение ничего не меняет и ничего не решает. Разделение богатства среди бедных имеет смысл, если оно относится к земельной собственности. Она действительно была разделена во многих странах среди крестьян. Тогда как «черный передел» квартир, домов, одежды и других предметов обихода буржуазии среди бедных может быть актом одноразовой мести богачам, но не решает социальных проблем. Следовательно, феномен эксплуатации надо объяснять таким образом, чтобы исключить тождество между лозунгом уничтожения эксплуатации и ленинским призывом «Грабь награбленное!». Ленинский лозунг укреплял менталитет грабителя, типичный для крестьянских движений и люмпен-пролетариата.

Эксплуатацией не является ситуация, при которой: рабочий не получает эквивалент произведенных им стоимостей; существует неравенство доходов (ибо до сих пор неизвестны средства, которые бы позволяли существовать промышленно развитым странам в условиях

¹ См.: Макаренко, В.П. Марксизм: идея и власть/ В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону, изд. РГУ. – 1992. – С. 243-245.

абсолютного равенства доходов); существует незаработанный доход, который буржуазия может использовать для своего потребления. При эксплуатации общество не в состоянии контролировать назначение и распределение прибавочного продукта, а распределение осуществляется по произволу людей, обладающих монополией на принятие решений об использовании средств производства. Эксплуатация – это многомерное явление. Ее ограничение возможно не вследствие роста заработной платы, а в результате увеличения контроля общества над инвестициями и распределением национального дохода. Роскошное потребление буржуазии и других эксплуататорских классов не является «природой» эксплуатации, а ее следствием. Тот, кто распоряжается средствами производства и разделением прибавочного продукта, определяет для себя и уровень потребления.

Так понятый факт эксплуатации не противоречит намерениям Маркса. Но в Советском Союзе эта трактовка эксплуатации находилась под запретом. Из нее вытекает, что огосударствление средств производства не ведет автоматически к ликвидации эксплуатации, а в конкретно-исторических обстоятельствах становления и укрепления Советской власти увеличивает эксплуатацию. Если степень ограничения эксплуатации тождественна степени контроля общества над распределением прибавочного продукта, то эксплуатация тем больше, чем слабее механизмы такого контроля. Если не существует право на частную собственность, но имеется монополия на распоряжение средствами производства и распределения, которая сосредоточена в руках небольшой группы властвующих, не ограниченных никакими механизмами представительной демократии, то эксплуатация не уменьшается, а увеличивается. При этом не имеют существенного значения материальные и прочие привилегии правящей группы, подобно тому, как не имеет принципиального значения тот факт, ходят ли буржуа в роскошной одежде или в обносках. Существенным остается факт исключения большинства общества из процессов принятия решений об использовании средств производства и распределения доходов. Эксплуатация – это существование и действие социальных механизмов, определяющих участие трудящихся в решениях относительно продуктов их труда. Понятие эксплуатации связано с политической свободой и механизмами политического представительства.

При таком понимании советское общество не может служить примером общества, в котором ликвидирована эксплуатация. Наоборот, в СССР эксплуатация была доведена до крайних пределов. В процессе огосударствления собственности были уничтожены социальные механизмы, с помощью которых трудящиеся могли принимать решения по распределению продуктов своего труда. В развитых капиталистических обществах такие механизмы существуют и позволяют ограничивать эксплуатацию путем различных форм давления на собственников и правительство (прогрессивный налог, частичный контроль инвестиционной политики, цены, увеличение резервного и страхового фонда, пособия по безработице и т. п.), несмотря на то, что частная собственность и эксплуатация не ликвидированы.

Как воспроизводятся советские механизмы эксплуатации в современной России? Почему современное российское государство является эксплуататором? Для ответа на вопросы предлагаем читателю ознакомиться с главой 5 из книги одного из пионеров современной отечественной социологии Овсея Ирмовича Шкаратана². Глава публикуется с любезного разрешения автора.

В.П. Макаренко

² Шкаратан, О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России/ О.И. Шкаратан. – М.: ОЛМА МЕДИА ГРУПП, 2009.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИЕТАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

О.И. Шкаратан

Высшая школа экономики

Аннотация: В статье рассматриваются принципы распределения собственности – денационализации – и ее характер и результаты в России, в сравнении с аналогичными процессами в других странах.

Ключевые слова: *этакратизм, неоэтакратизм, собственность, государственные и коммерческие структуры, российский вариант приватизации.*

5.1. Вводные замечания

В этой главе содержится попытка ответить на вопрос, заданный более 10 лет назад тем же Д. Лэйном (Кембридж): «...ведут ли революции в посткоммунистических режимах к успешному транзиту в направлении стабильных либеральных демократий, и действительно ли движутся общества государственного социализма к капитализму, или история будет побуждать их в сторону формирования новых форм социализма, или к перманентному состоянию запаздывающего развития?»³.

Как было показано в предыдущих главах, внутри евразийской цивилизации и на ее основе после октябрьского переворота 1917 г. сформировалась и развивалась *этакратическая социетальная система* (советская квазисоциалистическая), которая стала параллельной ветвью капиталистической индустриально-экономической системы, но с ее собственными законами функционирования и развития⁴. Об этом социально-экономическом порядке размышляли многие авторы, но можно считать, что его латентные характеристики и поныне недостаточно осмыслены. Одна из наиболее удачных попыток оценить накопленные в науке идеи по проблеме отношений «власть-собственность», образующих ядро социально-экономической системы этакратизма, была предпринята Н.М. Плискевич⁵.

³Lane, D. The Rise & Fall of State Socialism. Industrial Society and the Socialist State/D. Lane. – Cambridge: Polity Press. – 1996. – P. 194. Многими годами позднее изданная под его редакцией книга получила название «The Transformation of State Socialism. System Change, Capitalism or Something Else?»

⁴Концепция этакратизма, как объясняющая природу обществ советского типа, была раскрыта автором данной главы в цикле публикаций, в частности, в статье: Шкаратан, О.И. Этакратизм и российская социетальная система/ О.И. Шкаратан. – Общественные науки и современность. – 2004. – № 4. С. – 49-62; в книге: «Шкаратан, О.И. Российский порядок: вектор перемен/О.И. Шкаратан. – М.: Вита Пресс, 2004», и в главах 2 и 3 настоящей книги.

⁵Плискевич, Н.М. Мутации «власти – собственности»: проблемы и перспективы/ Н.М. Плискевич. – М.: ИЭ РАН, 2007.

Как писал М. Кастельс: «В XX в. мы жили, в сущности, при двух господствующих способах производства: *капитализме и стэйтизме* (в моей терминологии – *этакратизме*. – О.Ш.)... Капитализм ориентирован на максимизацию прибыли, т. е. на увеличение объема экономического излишка, присвоенного капиталом на основе частного контроля над средствами производства и распределения. Этакратизм ориентирован (был ориентирован?) на максимизацию власти, т. е. на рост военной и идеологической способности политического аппарата навязать свои цели большему количеству подданных на более глубоких уровнях их сознания»⁶.

Это суждение авторитетного автора приведено здесь для объяснения качественных различий между социально-экономическим и политическим порядком в современной России, носящим черты преимущества по отношению к советскому этакратизму, и современным либеральным капитализмом.

Проблема состоит в том, что в то время, когда в странах Центральной и Восточной Европы этот порядок полностью или по большей части ушел в прошлое, в России он изменился, трансформировался, но сохранился как *нео-этакратизм*. Другими словами, России не удалось выйти из ограничившего ее включение в мейнстрим мирового процесса развития состояния этакратической закрепченности. После распада СССР, в отличие от стран Восточной Европы и Балтии, в России не произошел коренной поворот в сторону конкурентной частнособственнической экономики, демократии и гражданского общества. В социально-экономической жизни современной России наличествуют два разнородных типа социально-экономических отношений, которые сосуществуют, взаимодействуют и в совокупности образуют качественно новое явление в истории страны: при доминировании не сошедшего со сцены этакратизма в России как бы на вторых ролях функционирует частнособственническая экономика с интенцией к формированию свободно-рыночного хозяйства.

Тот путь, на который с неизбежностью встала Россия, означал отсутствие равенства условий жизненного старта для граждан вне зависимости от их имущественного положения, места во властных структурах и т. д. Мечтам демократов о совершении подлинной и действительно народной приватизации, а соответственно о немедленном складывании конкурентного рынка с динамично развивающимся малым и средним предпринимательством и демократического государства не довелось сбыться. Этот проигрыш был запрограммирован всей историей нашего тоталитаризма, авторитаризма, «азиатчины», существовавших в России многие поколения. В противовес ожиданиям многих российских интеллектуалов и власть, и собственность остались преимущественно в руках советской номенклатуры, повернувшей процессы приватизации и формирования новой властвующей элиты в свою пользу.

Каковы же новые черты социальной действительности, те социальные инварианты, в которых выразился характер социальной системы и присущей ей социальной стратификации, и которые были предопределены, прежде всего, воздействием всей совокупности исторически складывавшихся факторов, а также влиянием политики национальных правящих кругов? Начнем рассмотрение этой непростой проблемы с анализа подспудных процессов предыдущего периода, трансформировавших изнутри советскую (этакратическую) систему.

5.2. Административный рынок и преприватизация

С начала 1990-х годов стало общеупотребительным высказывание: «Номенклатура обменяла власть на собственность». Это выражение неверно хотя бы потому, что, став частными собственниками, представители господствующего слоя не перестали быть и властвующей элитой. Но, кроме того, номенклатура (или в другой терминологии, – этакратия) в условиях расцвета системы при Сталине, обладая властью, тем самым владела и собственностью, ибо

⁶Кастельс, М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. (Пер. с английского под ред. О. И. Шкаратана)/ М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 38.

владела государством, которому, в свою очередь, принадлежала почти вся собственность в стране. Правда, эта собственность была не индивидуально-частной, а совокупно-частной. Индивидуальная собственность действительно была загнана в глубокое подполье, почти полностью уничтожена. В этом, кстати говоря, и было одно из качественных отличий современного этакратизма от традиционного государственного («азиатского») спо-соба производства.

Такой глубокий знаток советского режима и его бюрократии как Л.Д. Троцкий еще до Второй мировой войны раскрыл «тайну» нашей бюрократии, ее тогда невыполнимую мечту. В книге «Преданная революция. Что такое Советский Союз и куда он идет» он писал: «...бюрократия СССР усваивает буржуазные нравы, не имея рядом с собой национальной буржуазии. В этом смысле нельзя не признать, что она есть нечто большее, чем бюрократия. Она есть единственный в полном смысле привилегированный и командующий слой в советском обществе». Более того, в номенклатурных привилегиях Троцкий усматривал зародыш капиталистического перерождения советского общества: «Привилегии имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наследство детям. Но право завещания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение ее в новый имущий класс»⁷. Это, кстати говоря, и произошло после 1991 г. Недаром Е. Т. Гайдар позднее отмечал, что номенклатура стремилась к передаче по наследству своих привилегий. Другими словами, потребность в индивидуальной частной собственности связана с таким безусловным инстинктом как родительский⁸.

Как только репрессивный режим перестал давить на этакратию, как только господствующие слои получили гарантии личной и имущественной безопасности, неприкосновенности жилища и т. д., на первый план вышла проблема собственности. Началось личное накопление. Номенклатура, торговые работники, теневики, руководители военно-промышленного комплекса, пригретые политическими лидерами работники искусств – вот хозяева первичных предкапиталов, начавших складываться с середины 50-х годов.

Однако ключевое значение в начавшихся процессах имело изменение системы управления государственной собственностью. Жесткую иерархическую командную систему управления экономикой из единого центра шаг за шагом сменяет административный (бюрократический) рынок, весьма своеобразная система экономических отношений, которую справедливо называют «экономикой согласований», сложный бюрократический рынок, построенный на обмене – торговле, осуществляемой как органами власти, так и отдельными лицами. В отличие от обычного денежного рынка товаров и услуг на этом рынке происходит обмен не только материальными ценностями, но и властью, исключениями из правил, престижем, т. е. всем, что имеет какую-либо ценность. Особенно ценился на этом своеобразном рынке социальный статус, который давал неизмеримо больше, чем любые деньги. Директор завода или института понимал, что получить потребные ресурсы будет неизмеримо легче, если он (она) станет депутатом Верховного Совета, Героем социалистического труда или лауреатом Ленинской премии⁹.

Директора предприятий из «винтиков» государственной машины, беспрекословно выполнявших приказы начальства, превратились в активных субъектов торга. Но «торговали» они не столько между собой, что было бы залогом нормального рынка, а с вышестоящими начальниками. Этот торг шел по всей вертикали – от рядового рабочего до членов политбюро за принятие наиболее выгодных условий. Так, согласие директора предприятия на увели-

⁷Троцкий, Л.Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет/Л.Д. Троцкий. – М.: НИИ культуры, 1991. – С. 206, 210.

⁸Гайдар, Е.Т. Государство и эволюция/Е.Т. Гайдар. – М.: Евразия, 1995. – С. 114.

⁹Найшуль, В. Высшая и последняя стадия социализма / Погружение в трясину/ В. Найшуль. – М: Прогресс, 1991; Кордонский, С. Рынки власти. Административные рынки СССР и России/С. Кордонский. – М.: О.Г.И., 2000.

чение плана можно было обменять, например, на улучшение его служебного положения или на средства для строительства заводского жилого дома. Поскольку в Центр пробиваться становилось все труднее, то стали усиливаться горизонтальные связи. Их основные субъекты – директора и чиновники начали осознавать себя самостоятельной социальной силой с особыми интересами.

Относительная стабильность положения директоров, министров, других высших чиновников, руководивших подведомственными им заводами, отраслями, регионами в течение многих лет, накопивших за это время и авторитет, и связи, и средства, значительно изменила их психологию, реальную практику управления. Высшие номенклатурные бонзы чувствовали себя достаточно уверенно, сделали крупный шаг по переходу от роли управляющих (при отсутствующем владельце) к положению реальных хозяев.

Таким образом, в 1953-1985 гг. при внешнем господстве все той же тотально-государственной собственности развивались своеобразные латентные процессы зарождения «квази-частной» собственности, шел процесс препричастизации собственности и складывания протокласса крупных собственников.

С точки зрения теории административного рынка Россия в период, предшествовавший перестройке и реформам, представляла собой совокупность офисов, контор, предприятий, которые были связаны сложной системой взаимных отношений и взаимных обязательств. И эта система стала постепенно разрушаться. Ведь чем сложнее становилось хозяйство, тем чаще не срабатывали вертикальные связи, эффект давали только горизонтальные. Центр потерял всякую экономическую функциональность. Инстинкт самосохранения понудил власть начать перестройку.

Задача долговременной трансформации состояла в том, чтобы раскрепостить отношения между предприятиями, ведомствами, дабы они могли стать агентами на рынке, заключающими между собой сделки, исходя из рыночных интересов. Этот процесс мог пойти по-разному: свестись к ремонту существующей системы, повышению ее эффективности или ее демонтажу.

5.3. Приватизация и складывающийся социальный порядок

В 1985-1991 гг. подспудные процессы предыдущего периода вышли наружу. Началась открытая номенклатурная приватизация. В этом был социальный смысл реформ Рыжкова-Горбачева, вся выгода от которых досталась «своим» – хозяйственному и партийно-комсомольскому аппарату. Благодаря централизации госсобственности и раздаче ее в «полное хозяйственное ведение» соответствующих должностных лиц (1987— 1990 гг.) принцип владения ею из исключительно корпоративного превратился в корпоративно-индивидуальный. Подоспевшая приватизация (с 1992 г.) облекла ту же номенклатурную собственность в разного рода смешанные, полугосударственные формы и таким способом еще более надежно закрепила ее за номенклатурой, укрыла от притязаний других социальных групп. В итоге и власть, и собственность остались в руках прежних хозяев России, которые только укрепили свои позиции.

Это объясняет бескровность «антикоммунистической революции». Поскольку этакратия с дочерним отрядом комсомольского бизнеса открыто превратилась в крупных собственников, некому было организовывать гражданскую войну за реставрацию старых порядков. Привилегированное меньшинство стало открыто богатым, господствующим и правящим слоем, кровно заинтересованным в стабильности и мирном закреплении номенклатурно-бюрократического контроля над государством и обществом.

Номенклатурная приватизация не была единственным источником складывания слоев собственников. Был еще один канал преемственности в системах социального расслоения между «коммунистическим» прошлым и постсоветским настоящим. Нельзя забывать о ги-

гантских масштабах теневой экономики в бывшем СССР, в которой к концу 1980-х годов было задействовано (по разным расчетам) 20-30 млн человек как полностью (вероятно, до 3 млн), так и по большей части – от случая к случаю. Слои предпринимателей, действовавшие в этом секторе экономики, богатели за счет спекуляций, хищения сырья и готовой продукции. Все быстро выроставшие, начиная с 1987 г., новые формы экономической активности (кооперативы, малые и совместные предприятия и т.д.) создавались почти исключительно для торгово-посреднической деятельности. В них-то и легализовались хозяева и хозяйчики прежней теневой экономики¹⁰.

Эти две прослойки собственников – легально-административная и теневая – вступили в противоборство за овладение собственностью и каналами получения доходов. Борьба разворачивалась за распоряжение средствами производства и за контроль над сферами распределения и обращения. Занимая выгодные исходные позиции в сфере обращения и частично – в сфере распределения, теневая прослойка стала постепенно наращивать позиции в сфере распоряжения средствами производства. Легально-административная прослойка была вынуждена делать уступки, корректируя законодательно-правовую основу бизнеса, в то же время, сохраняя свои преимущества в административно-государственной сфере. В итоге борьбы обе прослойки к середине 1990-х годов практически слились. Но, следует добавить, слились на основе сохранения власти и собственности прежде всего у номенклатуры.

Процесс выхода номенклатурных чинов на коммерческую стезю начался в 1987 г. со специального решения ЦК КПСС о комсомольском движении в рыночную экономику. Координационный комитет этого движения возглавил второй человек в партии, член политбюро и секретариата, Е. К. Лигачев. Началось создание разнообразных коммерческих центров, контроль за которыми и реальное руководство осуществляли высшие чиновники. Эти организации практически не платили налоги, они имели право перекачки безналичных денег в наличные, они покупали валюту в Госбанке по смехотворному официальному курсу (0,56 рубля за 1 доллар) и тут же перепродавали по коммерческому курсу (от 20 до 150 рублей за доллар). Им были доступны все государственные фонды, запасы сырья и готовой продукции, которые они тут же продавали за рубеж огромными партиями. Им же было передано множество зданий, санаториев, домов отдыха. Эти же люди создавали благотворительные фонды, неподконтрольные налоговой инспекции и позднее в своем большинстве таинственно исчезнувшие. И, наконец, все эти «свои» люди были полностью ограждены от правоохранительных органов. Примером успешного включения «зачинателей» этого движения в настоящую, крупную даже по мировым масштабам, коммерцию может служить финансовая империя «Менатеп», длительное время пользовавшаяся особой благосклонностью уже новых властей.

В 1988-1992 гг. на месте министерств были созданы концерны, на месте госбанков – коммерческие банки, на месте Госнабов и торгов – биржи, СП и крупные торговые дома. Это был этап латентной (номенклатурной) приватизации. Шел процесс, по выражению О.В. Крыштановской, «приватизации государства государством». В итоге были присвоены в частную собственность финансовые и управленческие структуры, произошла концентрация финансового капитала. Именно номенклатурным частным структурам давалась чиновничеством привилегия делать большие деньги. Формой доверия государства к коммерческой структуре было присвоение статуса уполномоченного. Государство уполномочивало привилегированные банки осуществлять самые выгодные операции. Именно в них государственные организации размещали свои расчетные счета. Лидерами «уполномоченности» были банки «Менатеп», «Инкомбанк»; за ними следовали «ОНЭКСИМбанк», «Мосбизнесбанк», «Мостбанк» и другие. Коммерческие банки разделились на уполномоченные, т. е. устойчивые, быстро растущие, обслуживающие государственный бюджет и бюджетные организации, и все остальные. Из общей численности примерно в 2000 коммерческих банков, возникших в 1990-е гг., к уполномоченным относились на 1994 г. – 78. Это были, как правило,

¹⁰Кочетов, А. Истоки «новой» социальной структуры // Свободная мысль. – 1993. – № 9.

банки, созданные при содействии партийных органов («Инкомбанк», «Менатеп») или под эгидой правительственных структур (Международная финансовая компания, ОНЕКСИМ-банк) еще в конце 1980-х годов¹¹.

Приватизация советской распределительной системы закончилась созданием «комсомольских» бирж (МТБ, МЦФБ и др.), множества торговых домов, СП по международным торговым операциям. Тогда же, т.е. до легальной, публично объявленной приватизации, произошел переход в частные руки ряда рентабельных производств. Так возникли концерн «Бутек», МНТК «Микрохирургия глаза», объединение известного предпринимателя М. Юрьева «Интерпром» и т. д. Были приватизированы и некоторые министерства. Наиболее общеизвестный пример – концерн «Газпром». Но можно вспомнить и о концерне «Тяжэнергомаш» – приватизированном Министерстве тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения; о созданной на базе министерства корпорации (с 1993 г. – АО) «Трансстрой». Многие министерства выделяли в своем «хозяйстве» наиболее лакомые куски и приватизировали их. В итоге возникли Концерн «Норильский никель», крупнейшая компания «Алмазы России». Какое-то время они формально существовали в оболочке государственных компаний, корпораций, но довольно быстро были преобразованы в частично или преимущественно приватизированные.

Таким образом, в 1988-1991 гг. состоялась раздача собственности в номенклатурные руки, сохранившие и властные полномочия. В итоге сложился беспримесный номенклатурный псевдокапитализм в чрезвычайно выгодном варианте – лжегосударственной форме деятельности частного капитала. Это была келейная паразитическая приватизация без смены юридических форм собственности.

Начало открытой приватизации (с 1992 г.) означало ненасильственное изменение отношений собственности без (в большинстве случаев) смены владельца. По идее, можно было ожидать, что фиговый листок лжегосударственности станет спадать с номенклатурной собственности, что директора, министерские и другие чиновники продолжат пользоваться доходами по своему усмотрению, но государство уже не будет платить по их долгам, и они как собственники станут нормально выплачивать рабочим заработную плату. Другими словами, должен был бы начаться переход от лжегосударственной формы собственности к подлинно частной, к чисто рыночному перераспределению собственности.

В жизни процесс пошел преимущественно по другому вектору. Целью номенклатуры и соединившихся с нею новых крупных собственников было законсервировать отношения «ничейной собственности», чтобы, не неся за нее ответственности, пользоваться доходами с нее как с частной. Эта незавершенность, неопределенность отношений собственности сказалась, как это будет показано ниже, решающим образом и на социальной структуре общества.

Другой источник формирования крупных капиталов, а, соответственно, и крупной буржуазии – льготные кредиты, скрытые экспортные субсидии и дотирование импорта. Эти способы обогащения «новых русских» возникли в 1988 г. и приняли небывалые масштабы, начиная с 1992 г. По мнению Андерса Ослунда, экономического советника правительства при Е.Т. Гайдаре, «в выигрыше оказались банкиры, имевшие большие связи в верхах» и сосредоточившие субсидируемые кредиты промышленным и аграрным предприятиям. А на разнице в ценах на внутреннем и мировом рынках (нефть, металл, сырье), благодаря экспортным квотам и лицензиям, сколотили огромные состояния, как выразился тот же превосходно информированный Ослунд, «люди с большими связями – должностные лица компаний-производителей, торговцы сырьем, коррумпированные чиновники». Также воздействовали на складывание феерически возникавших состояний и субсидии на импортные поставки в 1992 г. продовольствия. Импортёры платили всего лишь один процент действовавшего обменного курса при покупке валюты у правительства. Продукты продавались в России по обычным рыночным ценам, а субсидия пошла в карман импортёрам. И Ослунд считает, что

¹¹ Крыштановская, О.В. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. – 2002. – № 4.

именно такими путями «в прошедшие несколько лет в России появились по-настоящему богатые люди. В их числе банкиры, представители нефтегазовой промышленности, торговцы и ряд высших чиновников. Некоторые из этих людей сумели сделать более одного миллиарда долларов». Основная часть их вышла из рядов прежней советской номенклатуры¹².

Однако и в пределах предопределенного варианта развития были возможности увеличить долю неноменклатурной приватизации. Такой авторитетный и либерально ориентированный автор как академик Н. Шмелев считает, что в этом отношении самой тяжелой ошибкой была конфискация всех сбережений населения и предприятий в первые месяцы 1992 г. в результате отпуска цен на свободу без всякой компенсации по вкладам в банках и сберкассах. На момент реформ у населения и предприятий на счетах имелось около 1 триллиона рублей. Все основные фонды страны оценивались тогда в сумме 2 триллионов рублей. Многие специалисты расценивали готовность владельцев этих денег вложить свои средства в акции или в прямой выкуп государственных предприятий в 300-400 млрд рублей. Иными словами, если бы не конфискация, «15-20% всей государственной собственности могло бы быть в 1992-1993 гг. выкуплено, т. е. приватизировано нормальным путем, не задаром, а за деньги... Но когда нормальные накопления были одним ударом ликвидированы, остался только один путь приватизации крупной и средней государственной собственности – раздача ее задаром директорату и чиновничьим кланам»¹³.

Реальным приоритетом нового постсоветского режима была политика по концентрации ресурсов нации в руках незначительного меньшинства. Решающую роль здесь сыграли: скоростная приватизация, которая практически подарила правящей номенклатуре, в первую очередь, ближнему президентскому кругу, иностранному капиталу (зачастую скупавшему предприятия, чтобы прекратить конкурентное производство), «теневикам» и криминалитету громадную государственную собственность. Эта приватизация прошла два основных этапа – ваучерный и залоговых аукционов. И если проведение первого этапа можно объяснить неопытностью правительства, скоротечными событиями 1992-1993 гг., то залоговые аукционы – это в чистом виде осознанные акции по формированию внеконкурентного политикообразующего крупного бизнеса, носящего компрадорскую направленность. Сюда же следует отнести пирамиду ГКО «для своих» со 100-процентной доходностью в год; характерно, что длительное время иностранцы не были допущены на этот рынок. Добавим так же отсутствие контроля за вывозом капитала, передачу электронных и самых влиятельных бумажных СМИ в руки придворных олигархов, и картина социальных приоритетов ельцинского правления становится до прозрачности очевидной. Предполагалось, без всяких обоснований, что эти нувориши каким-то образом одновременно превратятся в эффективных крупных собственников и образцовых менеджеров.

Только на первом этапе массовой приватизации под руководством А. Чубайса было продано 500 крупнейших предприятий стоимостью не менее 200 млрд долл. за 7,2 млрд долл.¹⁴. И это было лишь начало. В ходе шести самых дорогих залоговых аукционов (1995-1997 гг.) «продажа акций нефтяных компаний... была чистым надувательством – их стоимость на рынке была в 18-26 раз выше уже через полтора года после аукционов». «Залоговые аукционы были лишь очередным этапом в стратегии ельцинского режима – интересы страны были принесены в жертву интересам ближнего круга олигархов... Таким образом, олигархи и правительство Ельцина стали поделщиками в грабеже». Так, рыночная стоимость «ЮКОСа» на 1 августа 1997 г. составила 6,2 млрд долл., а проданы были пакеты акций, исходя из стоимости компании в 353 млн долл. По «Лукойлу» соответственно – 15,8 млрд долл. и 700 млн долл.¹⁵. «Норильский никель», который был куплен компанией «Интеррос» за сумму несколько меньшую 300 млн долларов, был тогда же застрахован в западных страховых

¹²Ослунд, А. Новых русских обогатили три основных источника // Финансовые известия. – 20 июня 1996.

¹³Шмелев, Н. Пять лет реформ – пять лет кризиса // Свободная мысль. – 1996. – № 7. – С. 65-66.

¹⁴Полеванов, В. П. Технология великого обмана/В.П. Полеванов. – М., 1995. – С. 50.

компаниях на сумму 30 млрд долларов, то есть в 100 раз большую (Новая газета, 29-31 октября 2001).

Россия оказалась чемпионом мира по скорости проведения приватизации, А.Б. Чубайс совместно с другими организаторами этого процесса и стоявший за ними президент Б.Н. Ельцин этим гордились и выдавали за великий успех. Но они обычно скромно умалчивали о символических суммах, полученных за проданные предприятия. В течение 1992-1999 гг. было приватизировано более 133,2 тыс. различных предприятий и объектов, за которые Россия получила 9 млрд 250 млн долл., или в среднем по 69,5 тыс. долл. за каждое из них. Среди приватизированных предприятий находились комбинаты-гиганты черной и цветной металлургии, крупнейшие предприятия машиностроения, нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности, морские и речные пароходства, часть собственности «Газпрома» и РАО «ЕЭС» и многое другое. Всего доходы России от приватизации 22 402 промышленных предприятий составили 347,2 млн долл., или по 15,5 тыс. за единицу; 8110 строительных организаций – 56,8 млн, или 7,0 тыс. долл. за каждую; 3184 предприятия транспорта и связи – 49,4 млн, или 15,5 тыс. долл. за каждое; 43 530 предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания населения – 453,6 млн, или по 10,4 тыс. долл. за точку. Стоимость одного приватизируемого предприятия промышленности, строительства, транспорта и связи, сферы обслуживания находилась порой на уровне не самой престижной модели, а порой даже подержанного иностранного автомобиля.

То, что огромная государственная собственность России за короткий промежуток времени не просто сменила владельца, а была бездарно разбазарена и разграблена, подтверждается результатами приватизации, проходившей в эти же годы в других странах мира – бедных и богатых. Россия, приватизировавшая в течение 1990-1998 годов больше всех других стран собственности, по доходам от ее реализации заняла среди них всего лишь 20 место. Подавляющее большинство развитых и развивающихся стран, в которых государственная собственность в экономике исторически никогда не занимала преобладающего положения, получило от ее реализации огромные доходы. Так, Бразилия в 1990-1998 годы от приватизации получила 66,7 млрд долл., Великобритания – 66 млрд, Италия – 63,5 млрд, Франция – 48,5 млрд, Япония – 46,7 млрд, Австралия – 48 млрд долл. Даже Венгрия, где государственная собственность была намного меньше российской, в эти годы получила от ее приватизации на 2,1 млрд долл., или в 1,6 раза больше, чем Россия. Из 9 млрд 250 млн долл., полученных от приватизации, в бюджеты различных уровней было перечислено 7 млрд 628 млн долл. (82,5 %), в том числе в федеральный – 5 млрд 545 млн (60 %). Не остались в накладе и государственные органы, осуществляющие приватизацию. За свою фактически посредническую деятельность они получили 577,6 млн долл., или более 10,4 % всей суммы перечисленной от приватизации в федеральный бюджет.

О полнейшем провале и бездарности проведенной в России приватизации свидетельствуют не только полученные ничтожные суммы в целом, но и особенно – на душу населения. От приватизации на душу населения в России было получено всего 54,6 долл., в то время как в Австралии – 2560,3 долл., Португалии – 2108,6, Венгрии – 1252,8, а в Италии и Великобритании более чем по 1100 долл. Доходы от приватизации на душу населения в подавляющем большинстве стран в десятки раз превышают российские.

Особенно показателен в этом отношении опыт бывших советских республик Балтии. Во всех этих республиках, как, впрочем, и у их западных соседей (например, Польши) процесс приватизации шел последовательно, без поспешности, переходя от одной стадии к другой. Так, в Литве на первом этапе рынку отдали все то, что непосредственно работало на массового потребителя, т. е. сферу торговли. Затем то, что работало на тех, кто работает на тех, кто непосредственно обслуживает потребителя и т. д. Стадийность диктовалась уже тем,

¹⁵Хлебников, П. Крестный отец Кремля Борис Березовский или История разграбления России. (Пер. с английского)/П. Хлебников. – М.: «ДЕТЕКТИВ-ПРЕСС», 2001. – С. 207-210.

что эффект рыночных зависимостей распространялся волнами, с определенным шагом между ними. В отличие от других постсоциалистических государств, включая Эстонию и Латвию, здесь не использовалась напрямую процедура банкротства, а основной акцент был сделан на реструктуризацию государственных предприятий до начала приватизации. Начальный этап приватизации давал возможность персоналу покупать относительно дорогие средние, а иногда и крупные по размеру предприятия за персональные (именные) приватизационные чеки – ваучеры. Поэтому в Литве почти 75 % работников промышленных предприятий являются их миноритарными акционерами. Это – социально ориентированная и наиболее солидаризирующая общество модель приватизации.

Пик этого этапа процесса разгосударствления пришелся на 1992 г., а его завершение – на конец 1994 г. И лишь с 1996 г. специально образованное Литовское приватизационное агентство приступило к открытой (на тендерах) продаже крупных предприятий за деньги. Но к этому времени в стране образовался широкий слой собственников, часть из которых стала, естественно, постепенно и цивилизованно концентрировать в своих руках значительный капитал. Остальные же во многих случаях продавали свои акции. Покупатели не располагали собственными необходимыми средствами и обращались за кредитами в национальные банки. Те, поскольку располагали недостаточными активами, обращались за кредитами в западные банки. Поэтому многие предприятия были по существу куплены на зарубежные деньги. Иностранные инвесторы также приняли участие в этом втором (денежном) этапе разгосударствления, но при праве на долю акций не свыше 49 %. К этому следует добавить, что в исключительных случаях в Литве, как и в других странах Балтии, случаи недобросовестной приватизации всегда пересматривались. И это не вызвало каких-либо эксцессов со стороны прежних владельцев, еще более стабилизировало общество и укрепило авторитет политической власти.

Такой же подход к приватизации был реализован и в Польше. Начав эти преобразования задолго до наших реформаторов, она постепенно и успешно их осуществляла. Многие крупные предприятия еще и в начале XXI века находятся в собственности государства, и не только потому, что они и так достаточно рентабельны, но также и потому, что по соображениям геоэкономической безопасности не должны находиться в частных руках¹⁶. Лишь в апреле 2008 г. польское правительство приступило к массовой приватизации наиболее значимых объектов государственной собственности.

Сторонники форсированной приватизации в России прибегли к аргументу о безысходности сложившейся ситуации и об угрозе советской реставрации. Подчеркивалось, что в этих условиях все средства хороши, лишь бы в кратчайшие сроки добиться произвольного раздела общей собственности и отказаться от максимально возможного количества функций государства в экономике. На самом же деле только в такой торопливой сумятице узкой группе лиц можно было безнаказанно присвоить национальные богатства огромной страны. Размышляя о феномене ускоренной российской приватизации, видный польский экономист экс-вице-премьер правительства Г. Колодко подчеркивает, что «... основная цель тех, кто получает основную выгоду от ускоренной приватизации, заключается не в улучшении корпоративного управления, укреплении финансового баланса или повышении уровня жизни населения, а в приобретении ценных активов по заниженным ценам. Создается странная ситуация: убежденные сторонники свободного рынка агитируют за ускоренную распродажу государственного имущества, в том числе и приносящего прибыль, по ценам, гораздо ниже рыночных клиринговых цен»¹⁷.

В 1993 г., когда в России началась чековая приватизация, по мнению академика В. М. Полтеровича, в стране не было ни предпринимателей, способных приобрести предприятия,

¹⁶Колодко, Г.В. Этика в бизнесе, экономике и политике // Вопросы экономики. – 2007. – № 11. – С. 67-71.

¹⁷Колодко, Г.В. От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований/Г. Колодко. – М.: ЗАО «ЖУРНАЛ ЭКСПЕРТ», 2000.

ни менеджеров, умеющих руководить ими в условиях свободного рынка, ни рыночной инфраструктуры. К этому добавилась криминальная обстановка, продажность чиновников, отсутствие эффективного контроля за процессами приватизации. Многие предприятия оказались недооцененными в десятки и сотни раз, так что их будущие собственники могли рассчитывать на огромные прибыли.

«Была ли возможна менее затратная стратегия? – задает вопрос высоко-компетентный автор. – Я склоняюсь к положительному ответу на этот вопрос. Приватизации должна была предшествовать коммерциализация. Начинать следовало с мелких предприятий после стабилизации цен. Приватизацию средних по размеру предприятий надо было отложить на 5-6 лет, как это сделала Польша, а гиганты сырьевого комплекса должны были оставаться в государственной собственности еще лет 20. Вложив средства и усилия, затраченные на приватизацию, на совершенствование управления государственными предприятиями, можно было избежать и спада в 40 % ВВП, и проблем нелегитимности частной собственности, которые терзают нас до сих пор». К этому выводу он добавляет: «...и эксперты, и, тем более, политики должны принимать во внимание предпочтения граждан, а не только свои собственные. Весьма правдоподобно, что подавляющее большинство россиян предпочло бы уменьшить общественные потери от приватизации ценой некоторого увеличения "риска возврата" (прежней советской системы. – О. Ш.). На мой взгляд, этот риск в начале 1992 г. был незначительным»¹⁸.

К суждениям только что цитированного автора я бы добавил следующее. Чтобы адекватно реагировать на политику правящих групп, россиянам и нужно было стать гражданами, т. е. социально структурированным гражданским сообществом, а не населением, позволяющим манипулировать собой. Но этого гражданского общества как не было, так и поныне нет в России.

Идейную базу под такую приватизацию, приведшую к коллапсу экономики подвели неолибералы, американские специалисты, которые были привлечены для работы в правительстве Гайдара и Черномырдина. В частности, они сыграли ключевую роль в деятельности правительства по приватизации. Так, приказом председателя Госкомимущества РФ А. Г. Чубайса от 31 июля 1992 года был создан состоящий из американских экономистов «Отдел технической помощи и экспертизы» во главе с Джонатаном Хэем. Этот отдел занимался накоплением и обработкой данных о хозяйственном комплексе России и консультировал российских реформаторов¹⁹.

Лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц во время своего визита в Москву в 2004 г., когда проявились уже все положительные и отрицательные стороны постсоветского развития страны, отметил, что принятая российским руководством за основу базовая экономическая модель, разработанная международными финансовыми институтами «несет в себе очень глубокие недостатки». По его мнению, «позиция МВФ вообще никогда не имела ничего общего с экономической наукой и настоящей рыночной экономикой, она в основном несла в себе идеологический заряд. Эта модель основана на убежденности в том, что рынок сам по себе решит все проблемы... но рынкам присуща масса серьезных проблем. И если мы говорим о необходимости успешного роста, стабильного общества, нужно обеспечить баланс между рынком и государством».

В частности, приватизация, по его словам, не может быть самоцелью. Он, как и многие другие авторитетные экономисты, опирается при этом на пример Китая, который выбрал свой путь, а не следовал советам МВФ и достиг при этом феноменальных темпов роста. Относительно России, считает Стиглиц, «сейчас приходится говорить о недостаточно законно проведенной приватизации, недостатке инвестиций, несправедливом распределении ресур-

¹⁸Полтерович, В.М. Стратегии институциональных реформ. Китай и Россия // Экономика и математические методы. – 2006. – Т. 42. Вып. 2. – С. 10-11.

¹⁹Сакс, Дж. Рыночная экономика и Россия. (Пер. с английского)/Дж. Сакс. – М.: Экономика, 1994.

сов. Проблема в том, что в России был принят совершенно неверный, искаженный взгляд на суть рыночной экономики. Конечно, кто-то получил от этого огромную выгоду». В противовес российским неолибералам этот выдающийся ученый, бесспорный сторонник рыночной экономики, предлагает «восстановить веру в государство». Одной из задач государства он считает принятие «философии», заключающейся в том, что «естественные ресурсы принадлежат народу»²⁰.

Его рекомендации состоят не в деприватизации. Он предлагает не вмешиваться в вопросы права на собственность. В одной из своих статей, опубликованных в конце 2003 г., он предлагает, что в России «можно было бы ввести "чрезмерный налог на прибыль с капитала". Скажем, налог в размере 90 % может быть установлен на "чрезмерную" прибыль, заработанную в результате приобретения государственной собственности. Это значит – на доходы, которые превышают 10 % от суммы выручки от первоначальных инвестиций собственного капитала»²¹.

С учетом мнения других аналитиков необходимо принять во внимание различие между формальной законностью приватизации и ее общественной признанностью. Законность обеспечивалась соответствующими законодательными актами и указами президента. Признанность зависит от существующих традиций и сложившихся в обществе ценностей и норм. Тем не менее, данные наиболее авторитетного в России Центра общественного мнения, возглавлявшегося покойным Ю.А. Левадой, показывают, что большинство русских не признает законности проведенной приватизации. Согласно данным опросов, 37 % респондентов в 2003 г., 43 % – в 2005 г., 37 % – в 2007 г. поддерживали идею ренационализации приватизированных крупных компаний. Соответственно 31 %, 32 % и 37 % согласились, что ренационализацию нужно провести в тех случаях, когда доказано, что компании были приватизированы незаконно (Общественное мнение 2007, с. 141). Эта проблема низкой легитимности возникших в результате приватизации структур собственности, включая устойчиво негативное отношение к крупной собственности, в последние годы все чаще обсуждается в литературе²². Авторы признают невозможность процесса массовой деприватизации, хотя многие из них отмечают, что приватизация, проведенная по принятой в России схеме, стала тормозом экономического развития, что она не решила важнейшей задачи создания эффективного частного собственника как доминирующей фигуры экономики страны (в отличие от других стран ЦВЕ).

Глава Счетной палаты РФ С. Степашин, выступая в феврале 2006 г. на заседании Президиума Российской академии наук, подробно рассмотрел вопрос о характере и последствиях прошедшей в стране приватизации. Он отметил, что масштабы российской экономики резко занижены из-за недооценки стоимости активов в процессе приватизации. По оценке экспертов, в сумме такое занижение может составлять от 40 до 400 триллионов долларов. Кроме того, огромен объем нелегитимных активов, который образуется незарегистрированной (неоформленной) собственностью. Три четверти предприятий были проданы вообще при отсутствии какого-либо внешнего финансового контроля. А впоследствии приватизаторы старались не допустить представителей Счетной палаты к анализу условий приватизационных сделок, к оценке стартовой цены. В докладе приведены примеры просто чудовищной распродажи крупных предприятий за цену в 10-30 тыс. долларов («Авиационный комплекс им. С.В. Ильюшина»; «Московский вертолетный завод им. М.И. Миля»), хотя на момент

²⁰ Стиглиц, Дж. Интервью российским СМИ. 2004 [Эл. ресурс]/Дж. Стиглиц. – Электр. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.rusref.nm.ru/stvis.htm>, свободный.

²¹ Стиглиц, Дж. Обложить олигархов налогами! (Перевод статьи из «Der Standart»). 11 декабря 2003 [Эл. ресурс]/Дж. Стиглиц. – Электр. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.rusref.nm.ru/indexpubstol.htm>, свободный.

²² См., в частности: Капелюшников, Р. Собственность без легитимности? // Вопросы экономики. – 2008. – № 3. – С. 85-105; Петраков, Н. Укрепление прав собственности: трансформировать, не разрушая // Вопросы экономики. – 2008. – № 3. – С. 64-67.

приватизации на этих заводах имелись в наличии изготовленные самолеты и вертолеты на десятки млн долларов.

Выводы Счетной палаты подтверждают материалы, обобщенные в докладе Всемирного банка «Приватизация: тенденции и недавние события». Эксперты МБ поставили Россию на 24-е место среди 120 государств по отношению доходов от приватизации. Доходы России от приватизации за 13 лет составили лишь 0,2 % от объема ВВП за этот же период. От приватизации 145 тыс. предприятий бюджет пополнился только 9,7 млрд долларов. Столько в настоящее время оставляют наши туристы за год за границей. С учетом этих обобщенных данных Счетная палата признала оправданными меры по возврату в бюджет сверхприбыли, которую новые собственники получили вследствие крайне низкой оценки активов или искусственно созданных преференций, путем обложения специальным четко фиксированным налогом²³.

Эта идея подкрепляется и позитивным опытом такой образцовой в смысле защиты прав собственности страны как Великобритания. Там парламент в июле 1997 г. утвердил новый налог, который должны были выплачивать компании, получившие крупную выгоду от приватизации государственного имущества в 1980 г. Размер единовременной выплаты составил 23 % от разницы между стоимостью приватизированной собственности в 1997 г. и его продажной ценой в 1980 г. Доходы в британский бюджет составили тогда 5,2 млрд фунтов. По существу это налог на незаработанные сверхдоходы.

Ввести такой компенсационный налог в России было предложено партией «ЯБЛОКО» еще в 2003 г., т. е. до сходных предложений Счетной палаты. Очевидно, что подобный налог не только и не столько фискальная мера, а, прежде всего, инструмент решения двух проблем:

- а) сокращения аномальных масштабов социального неравенства;
- б) возрождения духа национальной солидарности, снятия социально-психо-логического напряжения, моральной и материальной компенсации за варварскую приватизацию, наконец, легитимации капиталов²⁴.

Сопоставление нравственно-психологической ситуации в России и в странах, «неспешно» и социально ориентированно проводивших приватизацию, явно и определенно не в пользу нашей страны. Вывод ясен. Так же как ясен и ответ на вопрос: в чьих социальных интересах была устроена вся эта гонка по дележу национальных богатств.

Все большее сосредоточение власти и собственности в одних руках препятствовало формированию цивилизованной рыночной экономики и вело к коррупции, экономической стагнации и обнищанию населения. Надо заметить, что радикальные либералы, контролировавшие в 1990-е годы и реальное управление и СМИ, так же как и прагматики – представители крупных финансово-промышленных групп, не скрывали во многих случаях ни той системы ценностей, которую они реально защищали, ни своих собственных интересов, ни явного равнодушия к интересам простых людей. Менее двух десятков крупнейших компаний и банков контролировали к концу 1990-х годов примерно 70 % экономики России (Известия 1998). По данным председателя объединения предпринимателей «Деловая Россия» Б. Титова, успехи в развитии национальной экономики в 2000-е годы – это прежде всего успехи крупных государственных и частных компаний, у которых нет конкурентов на внутреннем рынке, как, впрочем, и нет самой конкуренции. В 2000 г. 80 % ВВП у нас производили 1200 компаний, а в 2007 г. – всего 500 компаний²⁵. Как справедливо заметил известный экономист и экс-министр правительства Е. Т. Гайдара С. Ю. Глазьев: «...если в нормально организованной экономике путь к богатству лежит через добросовестный труд, добросовестное предпринимательство, через инвестиции, новые технологии, то у нас путь к богатству лежит через присвоение чужого»²⁶.

²³Степашин, С. Принесенная ветром // Поиск. – 10 февраля 2006.

²⁴Явлинский, Г. Периферийный капитализм/Г. Явлинский. – М.: Интеграл-Информ, 2003.

²⁵Титов, Б. Стабильность закончится кризисом // Новая газета. – 9-11 июля 2007. – С. 13.

²⁶Цит по: Лукьянова, Е. Страна вне конкуренции // Новая газета. – 9-11 июля 2007. – С. 14.

5.4. Неоэтакратизм как социально-экономическая система современной России

Природа сложившейся в постсоветской России социально-экономической системы – этакратизм в новой фазе его развития. Капитализм – царство частной собственности. Что касается неоэтакратизма, то в нем господствует принципиально другой тип собственности. Ее называют «приватизированной», что по смыслу слова является синонимом «частной», однако она представляет собой вполне оригинальное явление и по ряду существенных признаков совершенно ей противоположна. Частная собственность носит производительный, созидательный характер. Частным здесь является не только присвоение собственности, но и ее производство. При этом нормой является преобладание производства над присвоением. В современной России принцип «частности» действует в основном в сфере присвоения, которое отнюдь не лимитировано производством. Через присвоение приватизаторы, как правило, овладели ресурсами, в создании которых они не принимали никакого или почти никакого участия: имущество, накопленное трудом многих поколений, природные ресурсы, бюджетные средства. Ничего удивительного в том, что нашим олигархам было практически невозможно защитить свою собственность от государственного деспотизма, поскольку, в принципе, эта собственность была ничьей, как в советское время.

Капиталистическая частная собственность универсальна. Она является достоянием всех – будь то хотя бы собственность на свою рабочую силу, на свои интеллектуальные способности, на свое жилище и т. д. «Приватизированная» собственность – достояние немногих. Как и ее предшественница, корпоративная собственность советской номенклатуры, она представляет собой сословную привилегию правящего слоя. Современный капитализм и новый российский строй не просто далеки друг от друга: они антиподы.

Деградация малого и среднего бизнеса, постоянное игнорирование прав профессионалов на интеллектуальную собственность, незащищенность труда – главную собственность рабочих – не случайные факты. Они являются не ошибками государственной политики, а органичной чертой экономической системы, либеральной по форме и стейтистской по содержанию, с ограниченной независимостью частных бизнесменов (все эти вопросы подробно обсуждаются ниже, в главах 9 и 10).

Устойчивость неоэтакратических отношений отражена в функционировании институтов собственности, где отношения «власть-собственность», весьма характерные для данного типа общества, проявились в новой оболочке. Еще в ранние времена президентства Б.Н. Ельцина приватизация собственности и финансов причудливо сочеталась с укреплением номенклатурного характера аппарата государственной власти. Не в силах в течение 1990-х годов легально конкурировать с частным бизнесом по уровню заработной платы, государство воссоздало систему привилегий для высшего и среднего управленческого звена. Так, владения Управления делами президента значительно превысили собственность Управления делами ЦК КПСС, а степень контроля за использованием дач, автомашин, учреждений медицины, охраны и т. п. значительно снизилась²⁷.

В годы правления Путина окончательно сформировались новые доминирующие модели поведения, характерные для нового этапа в развитии так называемых отношений «власть-собственность» и «приватизированной собственности». Одним из таких явлений можно назвать возникновение компаний с преимущественно государственными активами и миноритарными акционерами. Это так называемое «частно-государственное» партнерство. Привлечение частного капитала (часто символическое) используется этими корпорациями для управления огромными активами стоимостью в десятки и сотни миллиардов долларов без какого-либо контроля со стороны формального владельца – российского народа, чьи интересы

²⁷ Вишневский, В. Пятый вид собственности: президентская // Новая газета. – 21 августа 2006; Сакс, Дж. Рыночная экономика и Россия. (Пер. с английского)/Дж. Сакс. – М.: Экономика, 1994.

должна представлять Дума или правительство. Абсолютный контроль над подавляющей частью национального богатства (другими словами, его присвоение) сосредоточен в руках государственных чиновников и их исполнительных директоров – менеджеров этих корпораций²⁸.

Правящий слой бюрократии намеренно укрепляет свои позиции как собственника в стратегических отраслях экономики. Этот процесс начался в 2003-2005 гг. с применения судебных процедур, согласованных действий налоговых органов и прокуратуры (пример – ЮКОСа) и путем покупки ранее приватизированных активов (примеры – «Сибнефть», ОАО «АвтоВАЗ»). Тогда же, в 2005 г. Президент выступил с инициативой о формировании закрытого перечня отраслей или объектов, которые должны находиться под «преимущественным контролем отечественного, в том числе государственного, капитала»²⁹. По оценке известного экономиста, ректора Академии народного хозяйства В.А. Мау: «...трудно трактовать случай ЮКОСа как менее затратный для государства. "Дешевая" покупка "Юганскнефтегаза" породила намного более негативную реакцию среди инвесторов и граждан, чем "дорогая" покупка "Сибнефти". Если учесть потери в репутации, то издержки данной "дешевой" покупки могут оказаться весьма значительными».

Особенно активно работа по созданию огромных государственных корпораций развернулась в 2007 г. В мае 2007 г. был принят закон о создании Банка развития с капиталом в 250 млрд руб. В функции банка вменено управление внешним и внутренним валютным долгом и пенсионными накоплениями, поддержка приоритетных отраслей экономики, инвестиционная деятельность (ФЗ № 82 «О Банке развития» от 17 мая 2007 г.).

19 июля 2007 года был принят Федеральный закон № 139 «О Российской корпорации нанотехнологий» для реализации проектов создания перспективных нанотехнологий и наноиндустрии с первоначальным капиталом в 130 млрд руб. В том же месяце, 21 июля, был принят Федеральный закон № 185 «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства», чьей задачей является стимулирование реформирования жилищно-коммунального хозяйства, расселения ветхого жилого фонда. Первоначальный капитал, выделенный государством этой корпорации, – 240 млрд руб. В том же году было запроектировано создание таких гигантских госкорпораций как «Росатом», «Ростехнологии» (задача – обеспечение разработок, производства и экспорта высокотехнологичной продукции), «Автодор», «Росрыбфлот» и других.

Устроение этих госкорпораций не нашло еще глубокого анализа и исследования в отечественной литературе. Сторонники ранее доминировавшего в политике неолиберального направления отнеслись к процессам огосударствления столь значимых блоков национальной собственности весьма критически. Так, профессор Е.Г. Ясин, считает, что чем больше подобных явлений, тем меньше у страны шансов стать развитой. Его, не без основания, беспокоит, что в стране сложилась кланово-копоративная структура, в которой высшие слои бизнеса и бюрократии переплетены. Эта структура закостенела и чувствует себя гарантированной от потрясений на ближайшие 15 лет (Новая газета, 2-5 августа 2007 года). Оппоненты (М.Г. Делягин, С.Ю. Глазьев и другие) считают, что только усилия государства и массивное государственное вмешательство помогут России достигнуть наибольших экономических успехов. Их аргументы основаны на опыте «нового курса» Ф. Рузвельта, стран ЮВА, особенно Китая. Опросы населения, проведенные «Левада-центром», показывают доминирование в общественном мнении второй точки зрения³⁰.

Выводы одного из аналитиков, осуществившего серьезные межстрановые сопоставления, показали, что «...в настоящее время основные рецепты экономического роста представ-

²⁸Илларионов, А. И. Победа ГЧП // Новая газета. – № 57. – 31 июля – 2 августа 2006. – С. 16-17.

²⁹Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. – М., 2005. – С. 22-23.

³⁰Общественное мнение – 2007. Ежегодник. Вып. 9. – М.: Левада-центр, 2007. – С. 19, 31.

ляют собой столь сложные комбинации вмешательства и невмешательства государства, что его корреляции с каждой отдельной формой регулирования стали почти незначимыми».

Другой аналитик убедительно доказал, что в современной России только государство в состоянии осуществить крутой поворот в сторону технологической модернизации отечественной экономики, поскольку оно продолжает выступать в роли «верховного» капиталиста и может позволить себе сконцентрировать крупные капиталы в руках немногих корпораций. Автор напоминает, что сложившийся в России за период праволиберальных реформ капитализм, основу которого составляют связанные с государством крупные сырьевые монополии, пока демонстрирует себя только с худшей стороны, особенно если анализировать его влияние на процессы технологического обновления национальных производительных сил страны³¹.

По мнению известного французского экономиста, специалиста по российской экономике профессора Жака Сапира, на конец 2007 г. «в отличие от прежних времен в стране сложился определенный консенсус между, скажем так, "интервенционистами", то есть сторонниками государственного вмешательства в экономику, и теми, кого можно назвать "либералами". Чувствуется, мысль о том, что государство должно играть весомую роль в этих вопросах, достаточно глубоко пустила корни в России»³².

Генеральный директор одной из новых госкорпораций («Ростехнологии») С. Ремезов следующим образом аргументировал целесообразность их деятельности: «Создание госкорпораций и госхолдингов – это не панацея даже в обороно-промышленном комплексе. В экономике страны есть такие сектора, где реальна быстрая окупаемость вложенных средств и получение немалых прибылей. Туда охотно идет частный бизнес, и госкорпорации там не нужны. Однако существует ряд отраслей: авиация, судостроение, машиностроение, где процесс окупаемости вложенных средств и тем более получение дивидендов растягивается на многие годы. Вот здесь и необходимы госкорпорации и крупные холдинги. Иного пути у нас просто нет. Без концентрации всех ресурсов эти отрасли не выживут. Прежде всего, предприятия ОПК должны прочно встать на ноги и конкурировать не между собой, а с ведущими мировыми производителями, чтобы закрепиться на мировом рынке со своей продукцией не только военного, но и гражданского назначения»³³.

Но есть в жизнедеятельности российских госкорпораций аспекты, которые тревожат в равной степени и либералов, и государственников. Бюджетные деньги, которые попадают в госкорпорации, становятся частью их уставного капитала и переходят в частную собственность. На этом по существу государственный контроль заканчивается. Очевидно, что мы имеем дело со структурами, уже не принадлежащими государству. Бюджетные средства, которые попадают в госкорпорацию, фактически «растворяются» в ней. Это позволяет руководству корпорации самому выбирать, на что и сколько тратить денег, отчитываясь перед властью только по самым крупным проектам. То есть менеджмент практически свободно распоряжается ресурсами госкорпорации, как если бы они были частными.

Реально госкорпорации – это частная собственность. Согласно определению из Общероссийского классификатора форм собственности, «частной собственностью является имущество, принадлежащее на праве собственности гражданам или юридическим лицам». При этом получение прибыли не является основной целью деятельности госкорпораций. Их задача – стимулирование развития соответствующего сектора экономики. Согласно законодательству, они носят некоммерческий характер. Госкорпорации никоим образом не замещают частный бизнес.

³¹Карачаровский В. Концентрация капитала и технологическая модернизация российской экономики // Свободная мысль. – 2006. – № 9-10. – С. 115-130.

³²Российская газета, 17 ноября 2007 года.

³³Известия, 28 декабря 2007 года.

Добавим к этому, что по Федеральному закону №7-ФЗ от 12.01.1996 «О некоммерческих организациях»: «Государственной корпорацией признается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций. Государственная корпорация создается на основании федерального закона.

Имущество, переданное государственной корпорации Российской Федерацией, является собственностью государственной корпорации.

Государственная корпорация не отвечает по обязательствам Российской Федерации, а Российская Федерация не отвечает по обязательствам государственной корпорации, **если законом, предусматривающим создание государственной корпорации, не предусмотрено иное**»³⁴ (подчеркнуто мною – О. Ш.). Вполне оправданно называть современное российское государство корпоративным. Не случайно, что известный американист, заместитель директора Института США и Канады В. Кременюк на вопрос журналиста: «А на кого Путин больше похож – на Рузвельта или на Махатму Ганди?» ответил так: «...Он – лидер корпоративистского типа, который в своей политике, в своем политическом и социально-экономическом строительстве не отрицает элементы свободного рынка и демократии, хотя и не любит их. Но создает корпоративную систему, где доминируют политические и экономические корпорации, объединенные мощными интересами типа силовиков, либеральных экономистов, олигархов, губернаторов... Ни на Рузвельта, ни на Ганди это не похоже. Это другой тип. Это больше аргентинский лидер Перон»³⁵.

С особой прозрачностью сохраненность этакратических отношений сказалась на функционировании института собственности, где в новой оболочке проявили себя ключевые для данного типа общества отношения «власть-собственность». Ни для кого не секрет, что идет процесс прямого сращивания власти и собственности. Третий президент Д.А. Медведев являлся председателем совета директоров «Газпрома», одним из директоров которого состоит и бывший премьер-министром В.А. Зубков. Руководителем другой крупнейшей национальной корпорации «Роснефть» в течение длительного периода являлся заместитель руководителя администрации президента России И.И. Сечин и т. д.

Природа формирующейся социетальной системы проявилась и в политике по отношению к профессионалам – потенциальному ядру нового среднего класса. Во время путинского периода и экономического роста ресурсы государства и общества увеличились. С 2000 года стала проявляться устойчивая тенденция в государственной политике, основанной на советской традиции взаимодействия между элитой и слабыми социальными группами в ущерб интересов среднего слоя. Дополнительные ресурсы были частично использованы для стабилизации и улучшения положения низших групп.

Подтверждением неэффективности социально-экономической системы позднего этакратизма, закрепившегося в России, являются основные экономические показатели. Попробуем сопоставить итоги 2005 г. с последним уже не самым благополучным предрепреформенным – 1990 г. В этом случае картина выглядит следующим образом. Объем ВВП (здесь и далее – по паритету покупательной способности) в 2005 г. составил по отношению к 1990 г. – 88,6 %. Данные по промышленному производству выглядят еще менее впечатляюще: 73,2 % к уровню 1990г. По инвестициям ситуация особенно удручающая. Хотя в 1999-2005 гг. инвестиции росли сравнительно высокими темпами, в итоге страна получила инвестиций всего лишь в объеме 36,6 % по отношению к 1990 г. Реальные доходы населения именно в 2005 г. приблизились к уровню 1990 г.³⁶ По 2006 г. мы можем сопоставить объем

³⁴См.: http://www.consultant.ru/popular/nekomerz/71_2.htm.

³⁵Новая газета, 28 июня – 1 июля 2007 года.

³⁶Делягин, М. Россия после Путина. Неизбежна ли в России «оранжево-зеленая» революция?/М. Делягин. – М.: Вече, 2005; пересчет за 2005 г. автора по данным Росстата.

ВВП по отношению к более успешному, чем 1990 г. – 1989 г. Общий объем ВВП достиг 93 % от уровня 1989 г. В 2007 г. экономический прирост составил еще 8,1 %, что дало, наконец, возможность достигнуть уровня 1989 г. (Transition Report 2007; Известия, 15 февраля 2008 года).

Для сравнения приведем всего лишь один показатель. В 2006 г. все пост-коммунистические страны Восточной и Центральной Европы превзошли ВВП предреформенного 1989 г. (Польша – на 58 %, Словения – на 41 %, Словакия – на 37 %, Венгрия – на 34 %, Чехия – на 30 % и т. д.); в среднем по этой группе стран прирост ВВП за 2007 г. составил 5,8 % [Transition Report 2007]. Еще более обескураживающи сопоставления с Китаем, где ВВП с 1978 г. по 2006 г. увеличился более, чем в 9 раз; темпы экономического роста на протяжении последних 20 лет составляли 9,4 % в год, а доходы на душу населения выросли почти в 6 раз³⁷.

Все эти показатели, особенно реальные доходы населения, оценивались в канун реформ их сторонниками как совершенно недостаточные, которые должны быть в ближайшее же время существенно повышены. И в этом виделся смысл реформ. Что же касается приватизации государственной собственности, открытия отечественной экономики по отношению к внешнему миру, введения рыночных свобод во внутренних и внешних отношениях и т. д., то все эти меры по либерализации экономики предполагались лишь как средство, а не цель развития России. После 15 лет трансформаций можно уверенно сказать, что Россия не совершила переход к либеральной капиталистической экономике.

При этом трансформационный период 1990-х годов привел нашу экономику не только к резкому уменьшению ее масштабов, но и к сильнейшим структурным деформациям. Спад производства в 1990-х гг. превысил аналогичные показатели Великой Отечественной войны. В стране оказалась подорванной база высоких технологий и фундаментальной науки, прошла волна деиндустриализации, причем в ключевых отраслях промышленности спад превысил 70 %. К концу 1990-х по объему внешнего долга страна вышла на первое место в мире (более \$1 тыс. на душу населения) при федеральном бюджете, уступавшем в долларовом исчислении бюджету Греции или Финляндии, и при уровне федеральных расходов на образование, сопоставимом с бюджетом одного крупного американского университета³⁸.

Оживление нашей экономики, начиная с 1999 г., обеспечивалось преимущественно экспортом энергоносителей и ростом торговли, а не наращиванием производства продукции с высокой добавленной стоимостью. По мнению многих аналитиков, технологические сдвиги в российской экономике приобрели явно регрессивный характер и выразились в деградации ее научно-производственного потенциала. Если в конце 1980-х гг. доля промышленных предприятий, ведущих разработку и внедрение нововведений, составляла около 2/3, то в 2002 г. она упала до 9,8 % (типичный для развитых стран показатель – 70 %). Интенсивность инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности снизилась до 1 %, а уровень инновационности продукции составил примерно 10 %. Доля России в мировом наукоемком экспорте продукции гражданского назначения ныне составляет 0,5 %, тогда как доля США – 36, Японии – 30, Германии – 16 и Китая – 6%³⁹.

В итоге по общему (сводному) индексу мировой конкурентоспособности Россия в 2002 г. находилась на 41-м месте (этот индекс отражает затраты страны на достижение включая открытость экономики, роль правительства, развитие финансовых рынков, качество инфра-

³⁷Иноземцев, В. Западный мир и Китай: партнеры или соперники? // Свободная мысль. – 2007. – № 8. – С. 187.

³⁸Смолин, О. Новейшая революция в России и перспективы социализма XXI века // Свободная мысль. – 2007. – № 10. – С. 55.

³⁹См.: Группа восьми в цифрах. – М., 2006. – С. 88, 92; Глазьев, С. О стратегии экономического развития России // Вопросы экономики. – 2007. – № 5. – С. 31; Нарышкин, С. Инновационная составляющая инвестиционных процессов // Вопросы экономики. – 2007. – № 5. – С. 53-54.

структуры, технологии, управления бизнесом, юридических и политических институтов и т. д.) По качествам деловой среды Россия находилась на 46-м месте (этот индекс отражает возможности и препятствия для руководства бизнесом и строится на комбинации таких показателей как рыночный потенциал, налоговая политика, политика рынка труда, политическая обстановка и т. д.).

По инновационному индексу Россия находилась на 27-м месте (это показатель изобретательности людей, способности стимулировать рынок и взаимодействие делового и научного секторов). По индексу развития информационно-коммуникационных технологий (показатель использования средств коммуникации, включая пользование телефонными линиями, сетью Интернет, персональными компьютерами и мобильными телефонами на душу населения) России вообще нет в списке из 44-х стран. По числу патентов в действии в расчете на 100 тыс. жителей России опять-таки нет в приведенном списке из 20 первых стран. По общим расходам на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки в % от ВВП Россия занимала скромное 21-е место (данные за 2002 г. взяты из «Pocket World in Figures», ежегодно подготавливаемым «The Economist in Association with Profile Books LTD»⁴⁰. К сожалению, в отечественных статистических справочниках эти данные не приводятся. В 2006 г. по показателю уровня конкурентоспособности Россия опустилась на 62-е место среди 125 государств мира⁴¹. Экономическая политика руководства страны в 2000-е гг. и подходы к формированию федерального бюджета на 2008-2010 гг. демонстрируют стремление сосредоточить всю нефтегазовую ренту в специальном Нефтегазовом фонде и направлять в Стабилизационный фонд (с 1 января 2008 г. разделен на два фонда – Резервный фонд и Фонд будущих поколений) все сверхдоходы нефтегазового происхождения. Между тем, в течение 15 лет в России практически не осуществлялось строительства и модернизации автомобильных и железных дорог, генерирующих энергетических мощностей, сетевого и аэропортового хозяйства и т.д. Так, износ основных фондов на железнодорожном транспорте в 2001-2005 гг. увеличился с 54,1 до 63,9 %. С 1992 г. количество аэродромов сократилось более чем в 3 раза, а износ взлетно-посадочных полос достиг 80 %. Таким образом, инфраструктура российской экономики в условиях гигантски возросших доходов от эксплуатации природных ресурсов продолжала во многом разрушаться. Такой экономической политики не встретишь в мировой практике⁴². Приведу следующую обширную цитату из статьи известного независимого аналитика профессора А. Кивы: «Не случайно среди экономистов появился термин "неразвитие". Притом, что причины его не совсем ясны. Например, директор Института экономики РАН профессор Р. Гринберг считает, что за этим стоит договоренность между развитыми странами и генералами нашего ТЭК. Научный руководитель того же института академик Л. Абалкин полагает, что министры экономического блока правительства, в частности министр финансов А. Кудрин, следуют предписаниям Вашингтонского консенсуса (разработанного Мировым банком и МВФ), в пух и прах раскритикованным нобелевским лауреатом по экономике американцем Дж. Стиглицем. Директор Института океанологии РАН академик Р. Нигматулин основную причину видит в элементарном непонимании властями законов развития экономики.

Однако есть и более спорные точки зрения – вплоть до экзотических. Согласно одной из них, чиновники высокого ранга имеют свой интерес в сырьевом секторе экономики и поэтому вполне открыто лоббируют его развитие в ущерб реальному сектору. Некоторые аналитики считают, что на "бешеных деньгах" от продажи сырья, которые питают коррупцию и криминал и разными способами перераспределяются среди довольно широкого круга связанных с "новым классом" людей, только и держится наша политическая стабильность. Другие

⁴⁰Русский перевод: Мир в цифрах. – М., 2005. – С. 46-49.

⁴¹Рукавишников, В.О. Насколько сильна Россия? Комментарий к геополитическому дискурсу // Социологические исследования. – 2007. – № 10. – С. 36.

⁴²Лавровский, Б. Не ведают, что творят // Вопросы экономики. – 2007. – № 6. – С. 153, 154.

аналитики делают предположение, что тут не обходится без саботажа чиновников со счетами в западных банках на крупные суммы неизвестного происхождения, которые боятся как-либо противостоять силам на Западе, в глобальной экономике отведшим России место производителя сырья. Хотя они хорошо помнят, как легко был преодолен принцип банковской тайны, когда в мировых СМИ в 1999 году появились сведения о коррупции в высших эшелонах российской власти. Слышал я и такое мнение, что поскольку Путин пришел со своей командой, определявшей экономический курс страны, с нею давно сработался, ей доверяет, то перевод хозяйства на другие рельсы означал бы смену не только этого курса, но и команды, чего он делать не желает. Что ж, как говорится, сколько людей – столько и мнений»⁴³.

Либерализованная экономика постсоветской России на данном этапе своего развития приобрела неадекватную, архаическую социальную и политическую «оболочку». Столь неблагоприятный вариант трансформационных процессов явился следствием сложного переплетения исторических факторов, внутренней социально-политической ситуации и неблагоприятных внешних воздействий.

Для того, чтобы добиться такого «успеха», правящие круги переломили демократическую активность масс, удержали Россию от демократической революции, наподобие тех, что прошли в Венгрии, Польше, Чехии, странах, вставших на путь подлинно капиталистического и демократического развития. Как откровенно и точно высказался Б.Н. Ельцин: «В сентябре-октябре (1991 г.) мы прошли буквально по краю, но смогли уберечь Россию от революции» (Российская газета, 20 августа 1992 года).

Вернемся в этом контексте к событиям 1991-1993 гг. По форме они выглядели как захват власти буржуазией (или протобуржуазией). Лидерами выступали группы неолибералов во главе с Е. Гайдаром, А. Чубайсом, П. Авенном, К. Кагаловским и другими молодыми неофитами, зачислявшими себя в стан демократов. Но почему-то и вчерашние диссиденты, и демократы-шестидесятники оказались на обочине событий в отличие от вчерашних вполне благонамеренных представителей младшего поколения кандидатов в номенклатуру. Отечественные неолибералы своими героями и моделями политического поведения видели М. Тэтчер и чилийского диктатора генерала А. Пиночета. Так что демократами они именовали себя безо всяких на то оснований. Воспользовавшись неопределенностью в расстановке сил в ходе противостояния президента и парламента в августе-октябре 1993 года, неолибералы вооруженной рукой разгромили (разогнали) Московский, Петербургский и районные советы этих городов, средоточие неорганизованных и неопытных демократов. Однако процесс пошел даже не в сторону прихода к власти термидорианской буржуазии. Проблема была в доминирующей линии развития. Неолибералы и «назначенные олигархи» были использованы властными структурами, контролируемые вчерашней советской номенклатурой, для укрепления позиции этой восставшей из руин советской системы властвующей элиты. Одни из них даже пополнили номенклатурные ряды, другие послужили «кошельками» для подлинных хозяев страны на переходный период, т.е. до прихода к руководству России В. Путина и выходцев из силовых структур.

Не случайно, что контрольные позиции в процессе принятия решений и их осуществления на высших этажах власти в стране достаточно быстро заняли представители динамичной части советской номенклатуры, возглавленной Ельциным, Черномырдиным + К^о (Петров, Шумейко, Скоков, Лобов и т.д.). Вчерашние секретари обкомов КПСС, офицеры КГБ оказались в ближнем окружении первого президента России. Через несколько месяцев они заняли позиции вице-премьеров и министров, руководителей администрации президента. Символическим стал приход в качестве утвержденного парламентом и полностью поддержанного президентом премьер-министра страны В.С. Черномырдина. Это был крупный советский чиновник, в прошлом член ЦК КПСС, министр нефтяной и газовой промышленности СССР, однозначно показавший себя сторонником приватизации государственной собственности в

⁴³Кива, А. Фальшивый патриот опаснее врага // Свободная мысль. – 2007. – № 9. – С. 6-7.

пользу номенклатуры. Таким образом, после разгрома парламента осенью 1993 г., после принятия новой конституции стал оформляться социально-экономический и политический порядок – неозакратизм.

5.5. Основные этапы становления неозакратизма

Неозакратизм прошел три основных этапа своего становления. Первый этап начался еще в поздние времена существования СССР, когда начался процесс захвата номенклатурой контрольных позиций в приватизирующейся экономике. Как известно, если оставить в стороне предысторию этого процесса, сам он активно развернулся в 1987 г. с момента организации ЦК КПСС так называемого комсомольского движения в рыночную экономику. Были созданы разнообразные коммерческие центры, непосредственно возглавленные молодыми партийными и комсомольскими работниками, но контролируемые высшими партийными и правительственными чиновниками. Первые выступали в качестве доверенных (уполномоченных) лиц. Процесс завершился созданием как концернов типа «Газпром», так и коммерческих банков, бирж, торговых домов. Собственность не была окончательно оформлена как частная, контролировавшие ее лица были свободны от ответственности за нее, но неограниченно ею распоряжались, включая присвоение доходов и бесконтрольную продажу имущества. В этот первый период этакратия с дочерним отрядом комсомольского бизнеса открыто превратилась в крупных собственников. Привилегированное меньшинство стало открыто богатым, господствующим и правящим слоем, кровно заинтересованным в стабильности и мирном закреплении номенклатурно-бюрократического контроля над государством и обществом. Приватизация собственности и финансов органично сочеталась с укреплением номенклатурного характера аппарата государственной власти.

Российская бюрократия, как показали все обследования, сохраняла определяющие позиции в государственной власти. Так называемые свободно-рыночные силы были зависимы от государственной бюрократии, но их роль и влияние постепенно нарастали.

Временной точкой, определившей завершение этого периода противоборства и одновременно взаимодействия этих subsystemов протовластных групп в системе слабеющей государственности, были выборы президента в 1996 г. Наступил этап, когда так называемые «олигархи» захватили определяющие позиции в государственном управлении; как тогда выражались, олигархи «приватизировали государство». Этот период продлился примерно до 2000-2001 гг.

На словах пришедшие к власти лица и организации заявляли, что они выражают свободно-рыночное направление развития страны, что они носители демократических и либеральных начал в развитии общества, что они создают условия складывания гражданского общества и его организаций. Однако государственная бюрократия и подведомственные ей структуры сохранили свои властные и управленческие функции, но оказались в теснейшей взаимосвязи и зависимости от узкой группы олигархов (шестибанкирщина и т.д.). В этот период под видом власти бизнесом страной управляла кучка беспринципных «прихватизаторов», тесно переплетенная с высшим политическим руководством, совместно игнорировавших интересы среднего и малого предпринимательства, поделивших между собой природные ресурсы страны, особенно энергоресурсы, вывозивших за рубеж свои многомиллиардные доходы и спокойно наблюдавших за деградацией науки, культуры, высоких технологий и за вымиранием, в прямом смысле слова, своих соотечественников. Отношения «власть-собственность» оставались примерно прежними, с той разницей, что в связке «олигарх-чиновник», установилось более тесное взаимодействие. Российский бизнес в широком смысле так и не стал полноценным политическим актором, так и не стал подлинно частно-капиталистическим. Контракт-отношения между бизнесом и чиновничеством вели к деструкции бизнеса и продолжению упадка экономики страны.

Третий этап пришелся на 2000-е годы и связан с именем президента В. В. Путина. Это этап придания неоэтакратизму и в сфере экономики, и в сфере политики адекватных его имманентной сущности институциональных и ценностно-мотивационных форм. В течение весьма короткого периода времени жестко и четко основными акторами и на экономической, и на политической сценах стали представители силовых ведомств, бюрократия и объединяющая их «вертикаль власти». Как писал блистательный молодой экономист А. А. Яковлев, «модель неформальной приватизации власти в интересах бизнеса, характерная для 1990-х годов, постепенно сменяется моделью неформального же захвата бизнеса и подчинения его интересам ведомств»⁴⁴. В подтверждение этой мысли автор приводит следующие аргументы. Оставаясь неподконтрольным не только обществу, но и высшей политической власти, государственный аппарат стал играть все более важную роль в экономической жизни. Данные опросов руководителей российских предприятий показали, что вопреки широко распространенному мнению, арбитражные суды достаточно эффективны при разрешении споров между предприятиями, но, напротив, вероятность выиграть иск и добиться исполнения судебного решения в случае конфликта с государственными органами мало вероятна. «Это означает, что угроза нарушения прав собственности в России сегодня исходит скорее не от инсайдеров, а от государственного аппарата, преследующего свои бюрократические или политические цели»⁴⁵.

В итоге существенно изменились отношения чиновничества и бизнеса. В 1990-е годы бизнесмены покупали чиновников. Тем самым они обеспечивали себе конкурентное преимущество – доступ к ресурсам, возможность снизить издержки. Именно бизнесмен был главным бенефициаром сделки. В 2000-е годы в характере коррупционной сделки произошли качественные иерархические изменения. На каждом этаже коррупционной пирамиды чиновник стал могущественнее бизнесмена. Он более не проситель, он хозяин. Чиновничье сословие предъявило и получило право на ту прибыль, которая ранее принадлежала бизнесмену. Оно стало бенефициаром этих коррупционных сделок. Если раньше сделка давала возможность улучшить конкурентные преимущества, то теперь это лишь способ минимизировать потери, но без гарантии сохранить бизнес.

Символом изменения позиций крупного преимущественно рентополучающего бизнеса в конфигурации социальных сил в обществе и власти стало так называемое «дело ЮКОСа». С осени 2003 г. ведущие частные корпорации и их руководство лишились возможности напрямую участвовать во власти, и в том числе и путем поддержки по собственному выбору оппозиционных режиму политических партий. Под все более жесткий контроль начала ставиться деятельность организаций гражданского общества, образующих естественную жизненную среду конкурентно-рыночных отношений и служащих для бизнеса каналом реализации себя как субъекта властных отношений. Широкое развитие получили компании с преимущественно государственными активами и миноритарными акционерами. Абсолютный контроль над подавляющей частью национальных активов, и прежде всего над стратегическими отраслями экономики, вновь сосредоточен в руках политического руководства страны и государственных чиновников – менеджеров этих корпораций.

Итак, преодолев сложности переходного периода, достигнув определенных успехов в восстановлении и развитии экономики, в социально-экономическом отношении Россия после определенных колебаний исторического маятника как бы вернулась назад, к застойным формам этакратизма, правда, в новой оболочке. Присущие этакратическому обществу слитные отношения «власть-собственность», хотя и сосуществуют с частно-собственническим бизнесом, но по существу остаются неизменными. В России продолжились и восторжествовали отношения дистрибуции (в терминах К. Поланьи) или раздатка (в терминах О. Бессоновой), а не современного цивилизованного рынка. Властные отношения с присущей им номенклатур-

⁴⁴ Яковлев, А.А. Агенты модернизации/А.А. Яковлев. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – С. 132.

⁴⁵ Там же.

ной иерархией и сословными привилегиями правящего слоя, сохранили свое доминирование над отношениями частной собственности. Бизнес как носитель свободно-рыночных отношений, подмят под себя государственно-бюрократическими структурами. Последние успешно взаимодействуют как с государственными монополиями, так и с частными, обеспечивающими государственно-бюрократический порядок («вертикаль» неоэтакратического устройства страны). Не случайны «успехи» власти по умножению числа миллиардеров и фантастическому росту их активов. Перефразируя известное выражение, можно сказать, что уполномоченные властвующими быть миллиардерами, променяли возможность напрямую участвовать во власти на положение политически немощных богатейших в мире людей – социальную опору режима.

Таким образом, Россия не стала типичной рыночной и либерально-демократической европейской страной. В ней продолжились и восторжествовали отношения раздатка, а не современного цивилизованного рынка. Властные отношения, с присущей им номенклатурной иерархией и сословными привилегиями правящего слоя, сохранили свое доминирование над отношениями собственности. Несколько выше цитированный аналитик нашей современной экономики А. А. Яковлев обескураженно констатировал: «Складывается ощущение, что в России постепенно восстанавливается – хотя и в более «рыночных» и «демократических» формах – та иерархическая система, которая была характерна для советского времени и которая гасила импульсы к изменениям и к развитию, исходящие не из центра или не согласующиеся с его установками»⁴⁶.

Россия как бы осталась в советском времени и пространстве, если брать в основу анализа латентные характеристики и доминирующие социально-экономические структуры, хотя и позаимствовала в процессе постсоветской трансформации многие атрибуты частнособственнической экономики и демократической организации общества. Крах коммунистической системы в России привел к переходу специфической евразийской цивилизации, существенно отличной от европейской (атлантической) по институциональной структуре и системе ценностей, на новый этап ее эволюции.

После короткого периода неопределенности бюрократия и силовые структуры, объединенные через «вертикаль власти», вновь стали основными акторами экономической и политической сцены и подчинили себе крупный российский бизнес, который утратил свою частную и капиталистическую сущность. Более привычными становятся крупные государственные компании с многочисленными миноритарными акционерами, практически исключенными из управления. Основная часть национального богатства сосредоточена в руках государства. И, тем не менее, несмотря на столь ярко выраженные черты этакратизма, в стране одновременно сосуществуют зачатки частной собственности и рыночной экономики.

5.6. Другие определения российского социума

Есть, конечно же, и другие оценки и определения современного российского социума. Возьмем, к примеру, получившую обширные отклики на Западе, но не замеченную нашими аналитиками, книгу шведского ученого Стефана Хедлунда под весьма определенным названием «Русская "рыночная" экономика: скверный случай грабительского капитализма». Автор подчеркивает, что корни современных российских бед следует искать в «древней Московии». Относительно ельцинского режима он замечает, что в ситуации, когда наступил коллапс советской системы, новый режим занялся не созиданием, а разрушением и искоренением всех остатков прошлого. В условиях разрушения государственности клептократы столь успешно разграбили остатки советской экономики, сосредоточили столь значительные богат-

⁴⁶Яковлев, А. А. Агенты модернизации /А.А. Яковлев. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – С. 345.

ства, что даже после коллапса августа 1998 г. они оставались победителями, правда, находящимися перед дилеммой оказаться заключенными⁴⁷.

По мнению профессора Кембриджского университета Дэвида Лэйна, в России проводилась неолиберальная политика «в масштабе, беспрецедентном даже для англо-американского капитализма». Результат: «...можно определить Россию как "хаотическое" социальное образование. Это образование может быть определено как социальная и экономическая система, которой не хватает институциональной координации и которая способствует социальной фрагментации: целям, праву, правящим институтам и экономической жизни недостает согласованности. Ее отличительными чертами являются неопределенность в отношении будущего, разобщенность элиты, отсутствие системы господствующего и промежуточного класса – посредника, смесь из различных каналов обмена, криминализации и коррупции; предприниматели, стремящиеся только к извлечению прибыли; неадекватное выражение политических интересов; экономика в состоянии упадка, характеризующаяся инфляцией, безработицей и бедностью. ...Хаотическая социальная формация – это какая-то аномалия. Стабильность такой системы сомнительна.

...Капитализм как экономическая система, которая систематическим образом поддерживает накопление капиталов, не был установлен (подчеркнуто мной. – О. Ш.)... Сети личных связей, имеющих отраслевую, региональную и бюрократическую основу, определяют результаты деятельности в большей степени, чем рыночная активность»⁴⁸. Очевидно из приведенных слов, что Лэйн, по сути дела, близок к позиции автора главы. К этому можно добавить суждение М. Кастельса, который оценил пореформенное российское десятилетие как «бесконечный переход от сюрреалистичного социализма к нереальному капитализму»⁴⁹.

Известный американский экономист, директор Центра по изучению России и Евразии при Гарвардском университете Маршалл И. Голдман выпустил в 2003 г. (русское издание 2005 г.) книгу под характерным и недвусмысленным названием «Пиратизация России». Он посвятил ее одному из ключевых моментов российской истории – приватизации и появлению на сцене истории нового «старого» класса – крупных дельцов – «олигархов». Компаративный анализ на основе данных по Чехии, Польше, Китаю приводит автора к неоспоримому выводу об уникальности трагического российского эксперимента над страной и людьми, явившегося результатом ошибочных решений, принятых на основании фальсифицированных оценок ситуации в стране. Эти оценки принадлежали начинающим западным и отчасти русским экономистам – рьяным сторонникам частной рыночной экономики, «больше, чем многие западные экономисты». Сами реформаторы Гайдар и Чубайс «много прочитали... но их контакт с рынком был скорее теоретическим, чем практическим». И советники, и реформаторы «приняли за аксиому, что существование прав на собственность автоматически гарантирует, что государство и общество будут проводить в жизнь эти права». И хотя на практике ни одного из необходимых институтов не было, а «государство находилось в состоянии, близко к анархии», они двинулись создавать владельцев частной собственности. Не было учтено, что 70 лет коммунистического режима «создали окружающую среду, которая была враждебна и способна исказить любой процесс приватизации».

Все же небольшое число людей поняли, что можно сделать состояния «за одну ночь». В это время и вышли на поверхность почти всех новые русские миллиардеры, которых, по мнению Голдмана, «объединяет одна общая черта, отличающая их от миллиардеров каких-либо

⁴⁷Hedlund, S. Russia's «Market» Economy. A bad case of predatory capitalism/ S. Hedlund. – L.: UCL Press Limited, 1999. – P. 338.

⁴⁸Лэйн, Д. Преобразование государственного социализма в России: от «хаотической» экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством? (Пер. с английского) // Мир России. – 2000. – № 1. – С. 15-16.

⁴⁹Кастельс, М., Киселева, Э. Россия и сетевое общество // Мир России. – 2000. – № 1. – С. 46.

других стран. Богатство всех, кроме разве что двоих-троих, появилось почти целиком в результате присвоения того, что еще каких-то десять лет назад принадлежало государству».

Академик Н.А. Симония разрабатывает концепцию бюрократического капитализма, чье становление в России, по его мнению, приходится на 1992-1998 гг. Он пишет: «И в стране, и за ее пределами идет ожесточенный спор между сторонниками "западной" и "азиатской" ориентации. Раздаются, правда, и голоса, ратующие за "особый" российский путь развития (я бы сказал точнее – за особый синтез отдельных элементов западных и азиатских моделей развития с российской "почвой"), но активных сторонников подобного подхода немного, и голоса их обычно тонут в шумном хоре адептов крайних позиций. Сформировавшийся феномен российского бюрократического капитала своими предшественниками имеет страны "с богатыми историческими традициями бюрократического управления" (гоминьдановский Китай, Индонезия, Южная Корея ит. д.). В этом перечне у Симонии мы не находим стран европейского цивилизационного ареала. По мнению автора, толчком к массовому, практически безграничному формированию бюрократического капитализма послужила гайдаровская либерализация...

Важной особенностью становления этой формы капитализма в России явилось то, что отсутствие консолидированной и сильной государственной власти имело своим следствием, во-первых, полную свободу рук для бюрократии, ее фактическую неподконтрольность верховной власти и, во-вторых, фрагментарность бюрократического капитала»⁵⁰.

---

⁵⁰Симония, Н. Становление бюрократического капитализма в России // Свободная мысль. – 2000. – № 3/4. – С. 42, 45.